

ГЮСТАВ ФЛОБЕР

САЛАМБО

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Ф73

Серия «Эксклюзивная классика»

Gustave Flaubert
SALAMMO

Перевод с французского *Н. Минского*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Ферец*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Флобер, Гюстав.

Ф73 Саламбо : [роман] / Гюстав Флобер ; [перевод с французского Н. М. Минского]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 352 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-152682-5

Карфаген, 240 год до нашей эры.

Не получившие вовремя платы войска наемников поднимают кровавое восстание под предводительством ливийца Мато. Однако мало кто знает, что больше всего на свете этот мужественный и грубый воин мечтает заполучить не золото, не земли, не честь и не славу, а девушку, которую неистово полюбил с первого взгляда, — прекрасную и недоступную дочь Гамилькара Барки, жрицу лунной богини Саламбо...

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-152682-5

© ООО «Издательство АСТ», 2022

I

ПИР

Это было в Мегаре, предместье Карфагена, в садах Гамилькара.

Солдаты, которыми он командовал в Сицилии, устроили большое пиршество, чтобы отпраздновать годовщину Эрикской битвы, и так как хозяин отсутствовал, а их было много, они ели и пили без всякого стеснения.

Начальники, обутые в бронзовые котурны, поместились в среднем проходе под пурпуровым навесом с золотой бахромой. Навес тянулся от стены конюшен до первой террасы дворца. Простые солдаты расположились под деревьями; оттуда видно было множество строений с плоскими крышами — давилни, погреба, амбары, хлебопекарни, арсеналы, а также двор для слонов, рвы для диких зверей и тюрьма для рабов.

Фиговые деревья окружали кухни; лес смоковниц тянулся до зеленых кущ, где рдели гранаты меж белых хлопчатников; отягченные гроздьями виноградники поднимались ввысь к ветвям сосен; под платанами цвело поле роз; на лужайках местами покачивались лилии; дорожки были посыпаны черным песком, смешанным с коралловым порошком, а посередине тянулась аллея кипарисов, как двойная колоннада зеленых обелисков.

Дворец Гамилькара, построенный из нумидийского мрамора в желтых пятнах, громоздился в отдалении на широком фундаменте; четыре этажа его выступали террасами один над другим. Его монументальная прямая лестница из черного дерева, где в углах каждой ступеньки стояли носовые части захваченных вражеских галер, красные двери, помеченные черным крестом, с медными решетками — защитой снизу от скорпионов; легкие золотые переплеты, замыкавшие верхние оконца, — все это придавало дворцу суровую пышность, и он казался солдатам столь же торжественным и непроницаемым, как лицо Гамилькара.

Совет предоставил им его дом для пира. Выздоровивавшие солдаты, которые ночевали в храме Эшмуна, отправились сюда на заре, плетясь на костылях. Толпа возрастала с каждой минутой. Люди беспрерывно стекались к дворцу по всем дорожкам, точно потоки, устремляющиеся в озеро. Между деревьями сновали кухонные рабы, испуганные, полунагие; газели на лугах убегали с громким бляением. Солнце близилось к закату, и от запаха лимонных деревьев испарения потной толпы казались еще более тягостными.

Тут были люди разных наций — лигуры, лузитанцы, балеары, негры и беглецы из Рима. Наряду с тяжелым дорийским говором раздавались кельтские голоса, грохотавшие как боевые колесницы, ионийские окончания сталкивались с согласными пустыни, резкими, точно крики шакала. Грека можно было отличить по тонкому стану, египтянина — по высоким сутулым плечам, кантабра — по толстым икрам. На шлемах у карийцев горделиво покачивались перья; каппадокийские стрелки расписали свое тело большими цветами; несколько ливийцев с серьгами в ушах садились за трапезу в женских одеждах и туфлях. Иные, нама-

завшись для праздника киноварью, похожи были на коралловые статуи.

Они разлеглись на подушках, ели, сидя на корточках вокруг больших блюд, или же, лежа на животе, хватали куски мяса и насыщались, упершись локтями, в мирной позе львов, разрывающих добычу. Прибывшие позже других стояли, прислонившись к деревьям, смотрели на низкие столы, наполовину скрытые пунцовыми скатертями, и ждали своей очереди.

Кухонь Гамилькара не хватало; Совет послал рабов, посуду, ложа для пирующих; среди сада, как на поле битвы, когда сжигают мертвецов, горели яркие костры, и на них жарили быков. Хлебы, посыпанные анисом, чередовались с огромными сырами, более тяжелыми, чем диски.

Около золотых плетеных корзин с цветами стояли чаши с вином и сосуды с водой. Все широко раскрывали глаза от радости, что наконец можно наесться досыта. Кое-где затягивали песни.

Прежде всего им подали на красных глиняных тарелках с черными узорами дичь под зеленым соусом, потом — всякие ракушки, какие только собирают на карфагенских берегах, похлебки из пшеницы, ячменя, бобов и улитки с тмином на желтых янтарных блюдах.

Вслед за тем столы уставили мясными блюдами. Подали антилоп с рогами, павлинов с перьями, целых баранов, сваренных в сладком вине, верблюжьих и буйволовых окороков, ежей с приправой из рыбьих внутренностей, жареную саранчу и белки в маринаде. В деревянных чашках из Тамрапани плавали в шафране большие куски жира. Все было залито рассолом, приправлено трюфелями и асафетидой. Пирамиды плодов валились на медовые пироги. Было, конечно, жаркое из маленьких собачек с толстыми животами

и розовой шерстью, которых откармливали выжимками из маслин, — карфагенское блюдо, вызывавшее отвращение у других народов. Неожиданность новых яств возбуждала жадность пирующих. Галлы с длинными волосами, собранными на макушке кверху, вырывали друг у друга из рук арбузы и лимоны и съедали их с коркой. Негры, никогда не видавшие лангуст, раздирали себе лица об их красные колючки. Бритые греки, у которых лица были белее мрамора, бросали за спину остатки со своих тарелок, а пастухи из Бруттиума, одетые в волчьи шкуры, ели молча, уткнувшись в тарелки.

Наступила ночь. Сняли велариум, протянутый над аллеей из кипарисов, и принесли факелы.

Дрожащее пламя нефти, горевшей в порфириновых вазах, испугало на вершинах кипарисов обезьян, посвященных луне. Их резкие крики очень смешили солдат.

Продолговатые отсветы пламени дрожали на медных панцирях. Блюда с инкрустацией из драгоценных камней искрились разноцветными огнями. Чаши с краями из выпуклых зеркал умножали увеличенные образы предметов. Толпясь вокруг, солдаты изумленно в них гляделись и гримасничали, чтобы посмеяться. Они бросали друг в друга через столы табуреты из слоновой кости и золотые лопатки. Они пили залпом греческие вина, которые хранят в бурдюках, вина Кампаньи, заключенные в амфоры, кантабрийское вино, которое привозят в бочках, и вина из ююбы, киннамона и лотоса. На земле образовались скользкие лужи вина, пар от мяса поднимался к листве деревьев вместе с испарением от дыхания. Слышны были одновременно громкое чавканье, шум речей, песни, дребезг чаш и кампанских ваз, которые, падая, разбивались на

тысячи кусков, или чистый звон больших серебряных блюд.

По мере того как солдаты пьянели, они все больше думали о несправедливости к ним Карфагена.

Республика, истощенная войной, допустила скопление в городе отрядов, возвращавшихся из похода. Гискон, начальник наемных войск, умышленно отправлял их частями, чтобы облегчить выплату им жалованья, но Совет думал, что они в конце концов согласятся на некоторую уступку. Теперь же наемников возненавидели за то, что им нечем было уплатить. Этот долг смешивался в представлении народа с тремя тысячами двумястами евбейских талантов, которые требовал Лутаций, и Карфаген считал наемников такими же врагами, как и римлян. Солдаты это понимали, и возмущение их выражалось в угрозах и гневных выходках. Они, наконец, потребовали разрешения собраться, чтобы отпраздновать одну из своих побед, и партия мира уступила, мстя этим Гамилькару, который так упорно стоял за войну. Она теперь кончилась, вопреки его воле, и он, отчаявшись в Карфагене, передал начальство над наемниками Гискону. Дворец Гамилькара предоставили для приема солдат с целью направить на него часть той ненависти, которую те испытывали к Карфагену. К тому же устройство пиршества влекло за собой огромные расходы, и все они падали на Гамилькара.

Гордясь тем, что они подчинили своей воле Республику, наемники рассчитывали, что смогут наконец вернуться в свою страну, увозя в капюшонах плащей жалованье за пролитую ими кровь. Но под влиянием винных паров их заслуги стали казаться им безмерными и недостаточно вознагражденными. Они показывали друг другу свои раны, рассказывали о сражениях,

о своих странствиях и об охотах у себя на родине. Они подражали крикам диких зверей, их прыжкам. Потом начались отвратительные пари; погружали голову в амфоры и пили без перерыва, как изнывающие от жажды дромадеры. Один лузитанец огромного роста держал на вытянутых руках по человеку и обходил так столы, извергая из ноздрей горячее дыхание. Лакедемоняне, не снявшие лат, делали тяжелые прыжки. Некоторые выступали женской походкой, с непристойными жестами; другие обнажались, чтобы состязаться среди чаш, как гладиаторы; несколько греков плясало вокруг вазы с изображением нимф, а в это время один из негров ударял бычьей костью в медный щит.

Вдруг они услышали жалобное пение, громкое и нежное; оно то стихало, то усиливалось, как хлопанье в воздухе крыльев раненой птицы.

Это были голоса рабов в эргастуле. Солдаты вскочили и бросились освобождать заключенных.

Они вернулись, с криком гоня перед собой в пыли около двадцати человек, пораженных бледностью лиц. На бритых головах у них были остроконечные шапочки из черного войлока; все были обуты в деревянные сандалии; они громыхали цепями, как колесницы на ходу.

Рабы прошли до кипарисовой аллеи и рассеялись в толпе; их стали расспрашивать. Один из них остановился поодаль от других. Сквозь разорванную туннику видны были его плечи, исполосованные длинными шрамами. Опустив голову, он боязливо озирался и слегка закрывал веки, ослепленный факелами. Когда он увидел, что никто из пугавших его вооруженных людей не выказывает к нему ненависти, из груди его вырвался глубокий вздох; он стал что-то бормотать и засмеялся сквозь радостные слезы, которые текли у него по лицу; потом схватил за ручки полную чашу и воздел

ее к небу, вытянув руки, с которых свисали цепи; глядя ввысь и продолжая держать в руке чашу, он произнес:

— Привет прежде всего тебе, освободитель Ваал-Эшмун, которого на моей родине зовут Эскулапом! Привет вам, духи источников света и лесов! И вам, боги, сокрытые в недрах гор и в земляных пещерах! И вам, мощные воины в блестящих доспехах, освободившие меня!

Потом он бросил чашу и стал рассказывать о себе. Его звали Спендием. Карфагеняне захватили его в плен в Эгинской битве. Говоря на греческом, лигурийском и пуническом языках, он стал снова благодарить наемников, целовал им руки и наконец поздравил с празднеством, выражая при этом удивление, что не видит на пиру чаш Священного легиона. Чаши эти, с изумрудной виноградной лозой на каждой из шести золотых граней, принадлежали милиции, состоящей исключительно из молодых патрициев самого высокого роста, и обладание ими было привилегией, почти жреческой почестью; ничто среди сокровищ Республики так не возбуждало алчности наемников, как эти чаши. Из-за них они ненавидели Легион; иные рисковали жизнью ради неизъяснимого наслаждения выпить из такой чаши.

Они сейчас же послали за чашами, хранившимися у Сисситов — купцов, объединенных в общества, которые собирались для совместных трапез. Все члены сисситских обществ в это время уже спали.

— Разбудить их! — приказали наемники.

Вторично посланные рабы вернулись с ответом, что чаши заперты в одном из храмов.

— Отпереть храм! — ответили они.

И когда рабы, трепеща, признались, что чаши в руках начальника Легиона, Гискона, они воскликнули:

— Пусть принесет!

Вскоре в глубине сада появился Гискон с охраной из воинов Священного легиона. Широкий черный плащ, прикрепленный на голове к золотой митре, усеянной драгоценными камнями, окутывал его всего, спускаясь до подков коня, и сливался издали с ночным мраком. Видны были только его белая борода, сверкание головного убора и тройное ожерелье из плоских синих камней, которое колыхалось у него на груди.

Когда он приблизился, солдаты встретили его криками:

— Чаши, чаши!..

Он начал с заявления, что своей храбростью они, несомненно, их заслужили. Толпа заревела от радости, рукоплещая ему.

Он прибавил, что ему это хорошо известно, так как он командовал ими в походе и вернулся с последней когортой на последней галере!

— Верно, верно! — подтвердили они.

Республика, продолжал Гискон, блюдет их разделение по племенам, их обычаи, их верования; они пользуются в Карфагене свободой. Что же касается чаш Священного легиона, то это частная собственность.

Тогда один из галлов, стоявший около Спендия, ринулся вдруг через столы и подбежал к Гискону, грозя ему двумя обнаженными мечами, которыми он размахивал в воздухе.

Гискон, не прерывая своей речи, ударил его по голове тяжелой палкой из слоновой кости. Варвар упал. Галлы зарычали, и бешенство их, сообщаясь другим, вызвало гнев легионеров. Гискон пожал плечами. Отвага его была бы бесполезна против этих неистовых, грубых животных. Потом он отомстит им какой-нибудь хитростью. Он сделал поэтому знак своим воинам

и немедленно удалился. Дойдя до ворот, он обернулся к наемникам и крикнул им, что они раскаются.

Пир возобновился. Но ведь Гискон мог вернуться и, обойдя предместье, доходявшее до последних укреплений, раздавить наемников, прижать их к стенам. Они почувствовали себя одинокими, несмотря на то, что их было много. Большой город, спавший внизу в тени, стал пугать их своими громоздившимися лестницами, высокими черными домами и неясными очертаниями богов, еще более жестоких, чем народ. Вдали над водой скользило несколько сигнальных огней и виден был свет в храме Камона. Они вспомнили про Гамилькара. Где он? Почему он покинул их после заключения мира? Его пререкания с Советом были, наверное, только уловкой, имевшей целью их погубить. Неутоленная злоба перенеслась на него, и они проклинали Гамилькара, возбуждая друг друга своим гневом. В эту минуту под платанами собралась толпа; она окружила нефа, который бился в судорогах на земле; взор его был неподвижен; шея вытянута, у рта показалась пена. Кто-то крикнул, что он отравлен. Всем стало казаться, что и они отравлены. Солдаты бросились на рабов; над пьяным войском пронесся вихрь разрушения. Они устремлялись на что попало, разбивали, убивали; одни бросали факелы в листву, другие, облокотившись на перила, за которыми находились львы, побивали их стрелами; более храбрые кинулись к слонам; солдатам хотелось отрубить им хоботы и грызть слоновую кость.

Тем временем балеарские пращники обогнули угол дворца, чтобы удобнее было приступить к грабежу. Но им преградила путь высокая изгородь из индийского камыша. Они перерезали кинжалами ремни затвора и очутились перед фасадом дворца, обращенным к Карфагену, в другом саду, с подстриженной расти-

тельностью. Полосы из белых цветов, следуя одна за другой, описывали на земле, посыпанной голубым песком, длинные кривые, похожие на снопы звезд. От кустов, окутанных мраком, исходило теплое медовое благоухание. Стволы некоторых деревьев были обмазаны киноварью и походили на колонны, залитые кровью. Посреди сада на двенадцати медных подставках стояли стеклянные шары; внутри их мерцал красноватый свет, и они казались гигантскими зрачками, в которых еще трепетал взгляд. Солдаты освещали себе путь факелами, спотыкаясь на глубоко вскопанном спуске.

Они увидели небольшое озеро, разделенное на несколько бассейнов стенками из синих камней. Вода была такая прозрачная, что отражение факелов дрожало на самом дне из белых камешков и золотой пыли. На воде показались пузырьки, по ней скользнули сверкающие чешуйки, и толстые рыбы с пастью, украшенной драгоценными камнями, выплыли на поверхность.

Солдаты схватили рыб, просунули пальцы под жабры и с громким хохотом понесли их на столы.

То были рыбы, принадлежавшие роду Барка. Происходили эти рыбы от первобытных налимов, породивших мистическое яйцо, в котором таилась богиня. Мысль, что они свершают святотатство, вновь разожгла алчность наемников; они быстро развели огонь под медными сосудами и стали с любопытством глядеть, как диковинные рыбы извивались в кипятке.

Солдаты теснились, толкая друг друга. Они забыли страх и снова принялись пить. Благовония стекали у них со лба и падали крупными каплями на разодранные туники. Опираясь кулаками в столы, которые, как им казалось, качались подобно кораблям, они шарили вокруг себя налитыми кровью пьяными глазами, поглощая взорами то, что уже не могли захватить. Другие ходили по

столам, накрытым пурпуровыми скатертями, и, ступая между блюд, давили ногами подставки из слоновой кости и тиарские стеклянные сосуды. Песни смешивались с хрипом рабов, умиравших возле разбитых чаш. Солдаты требовали вина, мяса, золота, женщин; бредили, говоря на сотне наречий. Некоторые, видя пар, носившийся вокруг них, думали, что они в бане, или же, глядя на листву, воображали себя на охоте и набрасывались на своих собутыльников, как на диких зверей. Пламя переходило с дерева на дерево, охватывало весь сад, и высокая листва, откуда вырывались длинные белые спирали, казалась задымившим вулканом. Гул усиливался. В темноте завывали раненые львы.

Вдруг осветилась самая верхняя терраса дворца; средняя дверь открылась, и на пороге показалась женщина в черных одеждах. Это была дочь Гамилькара. Она спустилась с первой лестницы, которая шла наискось от верхнего этажа, потом со второй и с третьей и остановилась на последней террасе, на верхней площадке лестницы, украшенной галерами. Не двигаясь, опустив голову, смотрела женщина на солдат.

За нею, по обе стороны, стояли в два длинных ряда бледные люди в белых одеждах с красной бахромой, спадавшей прямо на ноги. У них не было ни волос, ни бровей, а пальцы были унизаны сверкающими кольцами. Они держали в руках огромные лиры и пели тонкими голосами гимн в честь карфагенской богини. То были евнухи, жрецы храма Танит; Саламбо часто призывала их к себе.

Наконец она спустилась по лестнице с галерами. Жрецы следовали за нею. Она направилась в аллею кипарисов и медленно проходила между столами военачальников, которые при виде ее слегка расступались.

Волосы ее, посыпанные фиолетовым порошком, по обычаю дев Ханаана, были уложены наподобие башни, и от этого она казалась выше ростом. Сплетенные нити жемчуга прикреплены были к ее вискам и спускались к углам рта, розового, как полуоткрытый плод граната. На груди сверкало множество камней, пестрых, как чешуя мурены. Руки, покрытые драгоценными камнями, были обнажены до плеч, туника расшита красными цветами по черному фону; щиколотки соединены золотой цепочкой, чтобы походка была ровной, и широкий плащ темного пурпурового цвета, скроенный из неведомой ткани, тянулся следом, образуя при каждом ее шаге как бы широкую волну.

Время от времени жрецы брали на лирах приглушенные аккорды; в промежутках музыки слышался легкий звон цепочки и мерный стук сандалий из папируса.

Никто еще не знал Саламбо. Известно было только, что она жила уединенно, предаваясь благочестию. Солдаты видели ее ночью на кровле дворца коленапреклоненной перед звездами, в дыму возжженных курильниц. Ее бледность была порождена луной, и веяние богов окутывало ее, точно нежной дымкой. Зрачки ее казались устремленными далеко за земные пределы. Она шла, опустив голову, и держала в правой руке маленькую лиру из черного дерева.

Солдаты слышали, как она шептала:

— Погибли! Все погибли! Вы не будете больше подплывать, покорные моему зову, как прежде, когда, сидя на берегу озера, я бросала вам в рот арбузные семена! Тайна Танит жила в глубине ваших глаз, более прозрачных, чем пузырьки воды на поверхности рек...

Она стала звать их по именам, которые были названиями месяцев:

— Сив! Сиван! Таммуз! Эдул! Тишри! Шебар!
О, сжался надо мною, богиня!

Солдаты, не понимая, что она говорит, столпились вокруг нее. Они восторгались ее нарядом. Она оглядела их долгим испуганным взором, потом, втянув голову в плечи и простирая руки, повторила несколько раз:

— Что вы сделали! Что вы сделали!.. Ведь вам даны были для вашей улады и хлеб, и мясо, и растительные масла, и все пряности со складов! Я посылала за быками в Гекатомпиль, я отправляла охотников в пустыню!

Голос ее возвышался, щеки зарделись.

Она продолжала:

— Где вы находитесь? В завоеванном городе или во дворце повелителя? И какого повелителя? Суффета Гамилькара, отца моего, служителя Ваалов. Это он отказался выдать Лутецию ваше оружие, обогренное кровью его рабов. Знаете ли вы у себя на родине лучшего полководца, чем он? Взгляните: ступени дворца загромождены нашими трофеями! Продолжайте! Сожгите дворец! Я увезу с собой духа — покровителя моего дома, черную змею, которая спит наверху, на листьях лотоса. Я свистну, и она за мной последует. Когда я сяду на галеру, змея моя поплывет за мной по пене вод, по следам корабля...

Тонкие ноздри девушки трепетали. Она обламывала ногти о драгоценные камни на груди. Глаза ее затуманились. Она продолжала:

— О бедный Карфаген! Жалкий город! Нет у тебя прежних могучих защитников, мужей, которые отправлялись за океан строить храмы на дальних берегах. Все страны работали на тебя, и равнины морей, изборожденные твоими веслами, колыхались под грузом твоих жатв.